

РЕГИОНАЛИЗМ И ФЕДЕРАЛИЗМ

“MAORE FARANTSA”: МАЙОТТСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ
И КОМОРСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

© 2018

Х. М. ТУРЬИНСКАЯ

Институт Африки РАН

В статье анализируется спорная ситуация вокруг острова Майотта в связи с внутренним положением в Коморском государстве и участием Франции в региональной политике. Три острова — Гранд-Комор, Анжуан и Мохели, входящие в состав Коморского архипелага, бывшей французской колонии, в 1975 г. образовали суверенное государство. Четвертый остров — Майотта интегрирован в политико-административную структуру Франции и является предметом территориальных претензий Комор к Парижу. Рассматриваются феномен майоттского регионализма, воздействие фактора Майотты на функционирование федеративной системы на Коморах, а также причины провала попыток политического воссоединения коморской нации.

Ключевые слова: Союз Коморских Островов, Майотта, Франция, регионализм, федерализм.

DOI: 10.7868/S0869190818020127

THE MAYOTTE REGIONALISM AND THE COMOROS FEDERALISM

Khristina M. TURINSKAYA

Institute for African Studies, Moscow

The article explores the controversy over Mayotte with regard to the domestic situation in the Union of the Comoros and to France's activity in the regional politics. Three islands of the former French colony Comoros — Grande Comore, Anjouan, and Moheli — formed a sovereign state in 1975. Mayotte, the fourth island of the archipelago, has been integrated into the political and administrative structure of the French Republic. The island remains a subject of the Union of the Comoros' territorial claims to Paris. The article also deals with the phenomenon of Mayotte regionalism, its impact on the Comorian federal system, and analyses the reasons of the failure of political reunification in the Comoros.

Keywords: Union of the Comoros, Mayotte, France, regionalism, federalism.

Политическая история Комор и федеративные отношения в этом островном государстве — темы, слабо разработанные в отечественной африканистике. Между тем события,

ТУРЬИНСКАЯ Христина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт Африки РАН, Москва, krikri75@yandex.ru.

Khristina TURINSKAYA — PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, krikri75@yandex.ru.

происходившие на Коморах с XIX в. по настоящее время, а также проблема Майотты представляют интересную страницу истории колониального раздела Африки, национально-освободительных движений на континенте и формирования неоколониальной политики, которой западные державы придерживаются в отношениях с бывшими подчиненными территориями.

Африканская политика Франции на Коморах вылилась в раскол Коморского архипелага, в доколониальный период бывшего географическим, культурным и историческим целым: один из четырех островов — Майотта/Маоре — оказался аннексированным метрополией. Вместе с тем в период деколонизации на острове возникло регионалистское движение под лозунгом “*Maore farantsa*” (“Майотта — французская” на языке шимаоре), борющееся не за независимость, а за интеграцию с Францией. Остальные три острова — Гранд-Комор/Нгазиджа, Анжуан/Нзвани и Мохели/Мвали — образовали Коморское государство¹, которое оказалось под контролем французов в рамках проекта “Франс-африк”. Суверенитет Комор, формально независимой республики, превратился в юридическую фикцию: в течение ряда лет при президенте А. Абдеремане (1978–1989) страной управляли иностранные наемники. Коморское “национальное”, но по сути марионеточное правительство опиралось на “солдат удачи” и тем самым обеспечивало стабильность и преемственность власти [Hassan, 2009, p. 229].

Федерализм — одна из составляющих коморского кризиса, имеющего долгосрочные структурные причины политического и экономического свойства. При этом федерализм остается инструментом разрешения постоянно воспроизводящегося конфликта. Федерализм и децентрализация использовались на Коморах в качестве вынужденной меры; под нажимом извне, под воздействием менявшейся политической и экономической конъюнктуры система государственного устройства подвергалась беспрестанным манипуляциям. “Камнем преткновения” для коморского федерализма стала проблема Майотты: между этими феноменами существует прямая и тесная взаимосвязь.

Происходящее на Коморском архипелаге — экономически отсталой и политически фрагментированной территории — в известной мере является проекцией внутренней и внешней политики Парижа. Игнорируя нормы международного права и действуя в духе “*Realpolitik*”, Франция не уходила из региона даже в эпоху независимого развития новых африканских государств. Владея Реюньоном, где расположена ее военно-морская база, политически и экономически присутствуя на Коморах, удерживая Майотту, Франция является де-факто государством бассейна Индийского океана. Реюньон и Майотта остаются частью схемы французских военных объектов в африкано-индоокеанском регионе, включающей базы в Джибути и в Абу-Даби. На Майотте было запланировано создание военно-морской базы. В настоящее время на острове функционирует французская станция спутникового слежения. Зримое и незримое участие Франции не только в общеиндоокеанских, но и во внутренних делах стран региона нельзя не учитывать.

ИСТОРИЯ ДЕПАРТАМЕНТАЛИЗАЦИИ МАЙОТТЫ

К началу XIX в. Коморы оказались политически раздробленной территорией. Накануне французской колонизации острова делились на султанаты — владения арабов, а главными отраслями экономики были работоторговля и плантационное сельское хозяйство с использованием труда рабов-африканцев. За долгую историю противостояний Коморы заслужили славу “архипелага враждующих султанов” [Sellström, 2015, p. 135].

¹ Майотта представляет собой группу островов, в которую входят соединенные искусственной дамбой Гранд-Тер (собственно Майотта/Маоре) и Петит-Тер (Паманзи), а также Мтсамборо и множество мелких. Население Комор без Майотты составляет около 780 тыс. человек: на Гранд-Коморе проживают около 400 тыс., на Анжуане — 330 тыс., на Мохели — 50 тыс. Население департамента Майотта достигает 250 тыс. человек. В подавляющем большинстве жители Майотты, как и остальных островов архипелага, исповедуют ислам суннитского толка и говорят на языках коморской группы — шикомор. Язык шимаоре, входящий в коморскую языковую группу, служит на острове в качестве *lingua franca*.

Политическая элита — новые “султаны” — находятся в состоянии перманентного конфликта. Коморцы образуют культурно-языковое, но не политическое сообщество. Преобладание центробежных тенденций стало характерной чертой коморской истории. Общенациональное самосознание развито слабо — в отличие от региональной, островной идентичности, политизация которой служит одной из причин внутрикоморского конфликта и основой сохранения сепаратистских настроений на архипелаге.

Франция контролировала Коморы, оценив важное геостратегическое значение архипелага и пытаясь добиться лояльности местных традиционных правителей, установления политического единства, распространения своего культурного влияния на зависимой территории². Майотта оказалась под французским контролем в 1841–1843 гг., Мохели — в 1886, Анжуан и Гранд-Комор — в 1892 г. С 1909 г. Коморы стали французской колонией, и с 1912 г. и вплоть до окончания Второй мировой войны управление архипелагом осуществлялось с территории соседнего острова Мадагаскар. В 1946 г. Коморы в административном отношении были отделены от Мадагаскара и получили статус “заморской территории” (*territoire d'outre-mer*, ТОМ), представительство в Национальной ассамблее и в Сенате Франции. Административным центром архипелага стал расположенный на Майотте город Дзаудзи, который в настоящее время де-юре является столицей острова.

На рубеже 1960-х гг. внутренняя автономия архипелага была расширена: в 1957 г. учрежден Правительственный совет во главе с чиновником французской администрации; в 1961 г. появилась избираемая населением Палата депутатов. (Правительственный совет отныне возглавлял коморец.) С 1967 г. усиление политической автономии островов выражается в том, что на каждом из них имеются избираемый губернатор и собственный законодательный совет. В 1968 г. было введено местное самоуправление. В ведении метрополии оставались вопросы финансов, обороны и внешних связей. До 1975 г. французское правительство на архипелаге представлял верховный комиссар [Иванова, 2003, с. 11].

Под влиянием ширившегося в 1960-е гг. на островах национально-освободительного движения Франция вынуждена была пойти на предоставление своим владениям политического суверенитета. Три (из четырех) острова Коморского архипелага освободились от колониальной зависимости позже других африканских территорий — лишь в первой половине 1970-х гг. При участии коморского премьер-министра, председателя (с 1972 г.) Правительственного совета и сенатора (1959–1973) анжуанца Ахмеда Абдаллаха Абдеремана в 1973 г. в Париже было достигнуто соглашение с президентом Франции Ж. Помпиду (умер в апреле 1974 г.) и подписана декларация, по которой Коморы через 5 лет провозглашались суверенным государством. На время переходного периода метрополия сохраняла контроль над коморскими финансами, армией и внешней политикой. Избранный в мае 1974 г. президентом Франции В. Жискар д'Эстен в октябре заявил о том, что, с точки зрения французского правительства, население Комор гомогенно, Коморы едины и “это естественно, что у островов архипелага — общая судьба”, т.е. целостность не должна быть разрушена [там же].

Через два месяца официальная позиция Парижа изменилась на прямо противоположную. В декабре 1974 г. был проведен всекоморский референдум (“*consultation*”), организованный французским правительством. Явка превысила 93%. В целом по архипелагу, т.е. по четырем островам, 94.6% голосов было подано за отсоединение от Франции, 5.4% — против. И если на трех островах 99.9% жителей из числа участвовавших в “опросе” проголосовали за независимость, то на отдельно взятой Майотте около 64% выступили за сохранение юрисдикции Франции [там же].

² Многие политики, государственные и общественные деятели Комор получили образование во Франции. Несмотря на периоды конфронтации и попытки политического разрыва с бывшей метрополией, в том числе в связи с проблемой Майотты, в социокультурном плане Коморы остаются частью глобального контекста — франкофонии [Massey, 2013].

Майотта представляла менее 8% коморского электората, однако протестное голосование двух третей майоттцев (а в абсолютных цифрах это менее 9 тыс. человек) определило судьбу острова и всего архипелага на многие десятилетия, а, возможно, и навсегда. В интересах метрополии было сфокусироваться на “особом мнении” Майотты и учесть его, т.е. принять во внимание результаты по каждому острову в отдельности, а не по всем четырем островам вместе. Франция интерпретировала итоги референдума, руководствуясь “особыми отношениями” с Майоттой и необходимостью сохранить свое присутствие в Мозамбикском проливе. С первой половины 1960-х гг. на острове политически доминировало голлистское Движение народа Майотты (*Mouvement Populaire Mahorais*, МРМ – ДНМ), которое получило заверения французской администрации в том, что будущее Майотты будет решаться самими жителями острова на референдумах. Идейная основа ДНМ – регионализм, требование сохранения связей с Францией и предоставления Майотте полноценного статуса французского департамента, аналогичного статусу Реюньона.

На референдуме 1974 г. Франция “посчитала” Майотту отдельно, тем самым отторгнув ее от остальных Комор – в нарушение духа и буквы Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам (Резолюция № 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 г.), в том числе статьи 6, гласящей, что всякая попытка, направленная на частичное или полное разрушение национального единства и территориальной целостности страны – на момент получения ею независимости – несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций. Определенная логика в действиях Парижа была: по вопросу о принятии Декларации о деколонизации Франция была ни за, ни против и оказалась в числе государств – членов ООН, воздержавшихся при голосовании, включая Великобританию, США, Португалию и проч.

Франция признала независимость Комор без Майотты. В своих требованиях признать Майотту неотъемлемой частью Коморского государства коморцы, которых в этом вопросе поддерживали ООН и Организация Африканского Единства (ОАЕ), опирались на обобщенные результаты голосования – по архипелагу в целом. ООН уже в 1976 г. заявила об отказе признавать результаты любых проводившихся Францией на Майотте референдумов, равно как и какую-либо иностранную законотворческую деятельность, подразумевавшую легализацию французского колониального присутствия на этом острове. ООН и Африканский союз (АС) постоянно указывали на принадлежность Майотты к Коморскому государству.

Организованный французами в 1976 г. повторный референдум на Майотте подтвердил стремление островитян оставаться частью Франции. Остров получил статус “территориальной единицы” (*collectivité territoriale*) в составе Пятой республики. После одностороннего провозглашения независимости Коморского государства (июль 1975 г.) и в противовес резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о принятии Федеральной Исламской Республики Коморские Острова (ФИРКО, до 2002 г., затем Союз Коморских Островов – СКО) – в составе четырех островов – в члены ООН (ноябрь 1975 г.) Франция подготовила и провела референдум в феврале 1976 г. Майотта была заблаговременно “очищена” от сторонников прекращения французского владычества: оппоненты ДНМ – некоренные майоттцы были выдворены с острова.

Накануне референдума в Совете Безопасности ООН прошло обсуждение ситуации на архипелаге: факт проведения второго референдума на Майотте признавался вмешательством Франции во внутренние дела Коморского государства. В ходе голосования по проекту резолюции, принуждавшей Париж отказаться от проведения референдума и начать переговоры с Морони (столица ФИРКО) о возврате Майотты Коморам, Франция как постоянный член Совбеза воспользовалась правом вето. В результате Коморы – единственное африканское государство, часть территории которого осталась под колониальным управлением. Еще один референдум состоялся на Майотте в апреле того же, 1976, года: 97.5% принявших участие проголосовали за придание острову статуса “заморской

территории” Франции. При этом была зафиксирована рекордно низкая явка – 20% [Sellström, 2015, p. 160–163, 323–330].

Отказ майоттцев присоединиться к Коморскому государству обусловлен разнообразными культурно-историческими, экономическими и политическими причинами и субъективными факторами. Это и прагматичный интерес сугубо материального плана, и мифологизированные представления о французском прошлом Майотты, и привлекательный, идеализированный образ Франции – богатой, демократической, либеральной. Это и более продолжительная, чем на остальных Коморах, французская республиканская традиция на острове, и опасения Майотты потерять обретенный при французах привилегированный статус и оказаться на периферии системы новых союзных отношений, в которых доминировал о. Гранд-Комор. Уже задолго до провозглашения независимости Комор, в 1958 г., столица архипелага была перенесена из г. Дзаудзи, т.е. с Майотты, в г. Морони на Гранд-Коморе. С того времени и отсчитывается история майоттского регионализма и сепаратизма, а с начала 1960-х гг. на острове усиливались антикоморские настроения и выступления под лозунгами сближения с Францией.

Майотта стала французским протекторатом за несколько десятков лет до того, как были присоединены остальные три острова архипелага. Этим фактом метрополия обосновывала свои притязания на Майотту и рассматривала ее как ценное приобретение, стараясь удержать любой ценой. В свою очередь более длительное и прочное пребывание французов на Майотте могло стать причиной заметного проникновения метрополии во все сферы жизни на острове и немаловажным фактором тесной зависимости этой территории от Франции, что впоследствии привело к превращению Майотты во французский департамент.

В настоящее время остров, управляемый Францией, одновременно, согласно коморской конституции и в соответствии с позицией АС, считается неотъемлемой частью Союза Коморских Островов. Коморская конституция оговаривает, что формируемые в соответствии с ней институты государственной власти будут введены и на Майотте. Это должно произойти не позднее, чем через полгода с момента, когда перестанут существовать те обстоятельства, которые препятствовали Майотте присоединиться к остальным островам архипелага, входящим в состав СКО [Constitution, 2001, article 39]. По правилу ротации союзных президентов после Гранд-Комора, Анжуана и Мохели (в 2011 г. президентом СКО стал мохелец Икилилу Дуанин) в 2016 г. наступала очередь Майотты выдвинуть своего кандидата на пост главы Коморского государства. Действуя на опережение, в 2009 г. Франция организовала голосование по дальнейшей судьбе и определению статуса Майотты.

На референдуме 2009 г. 95% принявших участие (явка составила 61%) в голосовании жителей Майотты высказались за придание острову статуса заморского департамента и региона (*département et région d'outre-mer, DROM*). Результат проведенного французами референдума был вполне предсказуем. Сам факт проведения плебисцита вызвал критику извне, причем с противоположных позиций. Африканский союз заявил, что территориальное единство континента не должно ставиться под сомнение путем организации референдумов, проводимых на африканской территории (в данном случае – на Коморах) иностранным государством (в данном случае – Францией), а не под эгидой ООН или какой-либо другой “незаинтересованной” международной организации. В материковой Франции голосование по вопросу о департаментализации Майотты не проводилось, что всколыхнуло общественное мнение республики: гражданам не дали возможности высказаться по проблеме, касающейся всех французов. Разумеется, в отличие от майоттских французов, к голосованию не могли быть допущены десятки тысяч проживающих на острове нелегальных мигрантов. Базирующаяся в Морони группа влияния “Comité Maore” квалифицировала майоттский референдум как “государственный терроризм” [Sellström, 2015, p. 326; Massey, 2013, p. 135].

Изменение статуса Майотты означало окончательную интеграцию региона в политико-правовую и экономическую систему Франции, постепенное улучшение материального положения местного населения и повышение жизненных стандартов до уровня материковой Франции. Местное управление в департаменте осуществляет совещательный орган – Совет, который избирается населением и возглавляется председателем (президентом) Совета, в свою очередь избирающимся из числа его членов. Высшую власть и французское государство на острове олицетворяет префект, назначаемый французским президентом. Как полноправные граждане Пятой республики майоттцы участвуют в выборах президента Франции. Майотту представляют два депутата в Национальной ассамблее и два сенатора в Сенате Франции.

Регион принципиально важен для Франции как в геополитическом, так и в экономическом плане, в том числе из-за богатых рыбных ресурсов и разведанных запасов углеводородов. Острова являются весьма привлекательными для туристического бизнеса, поставляют сырье для французской парфюмерной и пищевой промышленности – ваниль, иланг-иланг, гвоздику, копру. При этом Майотта, как и остальные Коморы, располагает слаборазвитой островной монокультурной экономикой, остается на положении аграрно-сырьевой периферии и зависит от дотаций от метрополии.

Население острова переживает те же проблемы, что и французское общество в целом, – безработицу, инфляцию, социально-экономическое расслоение, неформальную расовую сегрегацию. Уровень жизни трудовых мигрантов на Майотте существенно ниже уровня жизни автохтонных майоттцев-маоре, чье благосостояние, в свою очередь, значительно уступает уровню материального положения местных французских поселенцев и жителей материковой Франции. В результате нарастающее разочарование вследствие завышенных ожиданий, массовое недовольство, акции протеста в связи с обусловленной высокими ценами на импорт дороговизной жизни и снижение электоральной активности жителей острова делают итоги референдумов все более спорными.

Чтобы максимально затруднить иммиграцию граждан СКО, особенно с Анжуана, на Майотту французское правительство ужесточило въездные правила, введя в 1995 г. специальную визу “Balladur (– Pasqua) visa”, получившую свое название по именам Эдуара Балладюра и Шарля Паскуа – тогдашних премьер-министра и министра внутренних дел и территориального планирования Франции. Сотни коморцев ежегодно гибли, пытаясь морем достичь “благополучной” Майотты в поисках заработка и доступа к системам образования и здравоохранения. Происходили массовая депортация и репатриация их обратно на Коморы, преимущественно на ближайший к Майотте остров Анжуан (расстояние между ними – около 70 км); остро стоит проблема разделенных семей.

Согласно опубликованному в 2012 г. докладу французского Сената, с 1995 г. число погибших достигло примерно 10 тыс. человек. Средства, затрачиваемые Францией на борьбу с нелегальной миграцией на Майотту, в несколько раз превышают размер финансовой помощи, оказываемой Парижем целой стране – Союзу Коморских Островов. Со своей стороны, правительство СКО проявляет пассивность в данном вопросе, не принимая серьезных мер по пресечению деятельности организаторов весьма прибыльного бизнеса – человеческого трафика [Sellström, 2015, p. 137, 318–320]. К 2017 г. количество “жертв миграции” составило не менее 12 тыс. человек. В 2015 г. из 20 тыс. случаев выдворения нелегалов с французской территории 19 тыс. приходились на Майотту [Macron sparks row, 2017]. В сентябре 2017 г. между коморской и французской сторонами была достигнута договоренность о разработке дорожной карты, предусматривающей введение бесплатных виз для коморцев, посещающих Майотту [Moroni pour une “nouvelle relation”, 2017].

В связи с наплывом нелегальных мигрантов и воздействием иммиграции на демографическую ситуацию на острове во Франции обсуждалась возможность пересмотра – в отношении конкретно Майотты как части Франции – принципа *jus soli*, то есть автоматического получения гражданства по факту рождения на территории данной страны – по “праву почвы”, а не по “праву крови” (*jus sanguinis*). Для СКО сообщение

с Майоттой — вопрос свободы законного передвижения коморцев между четырьмя островами. Для Франции миграция коморцев на Майотту — нелегальное проникновение иностранных граждан на французскую территорию [Massey, Baker, 2009, p. 22].

РЕГИОНАЛИЗМ И ФЕДЕРАЛИЗМ НА КОМОРАХ

Отношения с Майоттой в значительной степени определяли вектор не только внешней, но и внутренней политики Коморского государства. Симптоматично, что лишь в период президентства Абдермана, “вернувшего” французов на Коморы, проблема Майотты временно отошла на задний план. Остров по-прежнему является спорной территорией между Коморами и Францией. Фундаментальные разногласия, впрочем, не мешали коморцам поддерживать реалистичный курс и возобновлять соглашения о сотрудничестве с бывшей метрополией в сфере обороны. Несмотря на попытки коморского правительства диверсифицировать внешние связи и вести политику “открытых дверей”, Франция остается ключевым торговым партнером и финансовым донором СКО.

Обстановку в СКО осложняет территориальная близость серьезного “раздражителя” — Майотты и ее покровителя — Франции. Париж в соответствии с принципом “разделяй и властвуй” в течение нескольких десятилетий прямо и косвенно оказывает дестабилизирующее воздействие на социально-экономическую и политическую ситуацию на архипелаге. Проблема Майотты проходит красной нитью через весь законотворческий и федеративный процесс на Коморах. Принадлежность Майотты Коморскому государству предусматривают все коморские конституции. Уже в первой конституции, принятой в 1977 г. при президенте Али Суалихе (1976–1978), в преамбуле указывалось на решимость Коморского государства “освободить любыми средствами остров Майотта — его неотъемлемую составную часть, незаконно оккупированную Францией” [*Loi fondamentale*, 1977]. Подобная риторика соответствовала вектору политического курса леворадикального президента Суалиха, который попытался провести “коморизацию”, осуществить радикальные социалистические и антирелигиозные преобразования, ограничить влияние Франции, ее вмешательство в ситуацию на Коморах.

К 1978 г. относятся вторая конституция [*Constitution*, 1978] и введение федеративной системы на Коморах. Первый президент Федеративной Исламской Республики Коморские Острова Ахмед Абдаллах Абдерман развернул политический курс в обратную от “национального социализма” сторону — в направлении “декоморизации”, экономического либерализма, исламизации, сближения с Францией. Федерализм понадобился Морони не для того, чтобы обеспечить культурную автономию, — в условиях “этнографической” гомогенности населения архипелага подобный вопрос на Коморах не ставился, — но чтобы пойти навстречу вызовам регионализма и решить сугубо территориальный вопрос, порожденный географической изолированностью островов — частей государства. К моменту введения федеративной системы анжуанский сепаратизм находился в латентном состоянии и обострился лишь со второй половины 1990-х гг. На заре независимости Комор Майотта и Мохели демонстрировали больший сепаратистский потенциал, нежели Анжуан [Mohadji, p. 123–124]. Федерализм на Коморах был ответом на сепаратизм вообще, средством сохранить Майотту в составе федерации.

В период пребывания анжуанца А. Абдермана на посту президента на Коморах был введен федерализм, и до середины 1990-х гг. конституционный строй Коморского государства менялся несколько раз, подстраиваясь под политическую ситуацию и под очередного президента. Впрочем, коморская федерация на протяжении своей истории всегда отличалась более или менее высокой степенью централизации. На Коморах, как и в Африке в целом, наблюдался прагматичный, формальный подход к федерализму. Франция неохотно и реже, чем Великобритания, поощряла в своих владениях федерализм, даже в “имитационной”, “лицемерной” его форме, создающей лишь видимость автономии регионов в составе федерации. Но именно такой “внешний” федерализм и устраивал политических игроков, в т.ч. французов, на Коморах.

Показательным для характеристики коморской системы как одной из самых “слабых” [Anckar, 2003, p. 113–114] федеративных систем в мире является наличие/отсутствие таких классических атрибутов федерализма, как бикамерализм и выборность глав регионов. Так, в конституции 1978 г. было оговорено избрание населением губернаторов островов, но с 1982 г. губернаторов стал назначать федеральный президент, чьи полномочия фактически лишь усиливались. Процесс концентрации власти главы государства был постепенно зафиксирован поправками к конституции, принятыми в середине – конце 1980-х гг. Функции парламента и Верховного суда были сведены к сугубо консультативным. В отличие от большинства федераций, коморская система предусматривала не двух-, а однопалатный парламента.

Положение о бикамерализме содержала лишь конституция 1992 г., третья по счету и едва ли не самая федеративная в истории Комор, разработанная в годы правления Саида Мохамеда Джохара, второго президента ФИРКО (1990–1995). На Коморах создавался Сенат – верхняя палата парламента, представлявшая интересы регионов. Автономия субъектов федерации была расширена; предполагались выборы островных губернаторов и советов [Mohadji, p. 126–127]. Но если в годы правления Абдеремана на фоне кризисных явлений в экономике и социальной сфере “бюджетный регионализм” приводил лишь к усилению неравенства между островами, то при Джохаре экономические трудности в стране только нарастали, а политическая и фискальная децентрализация параллельно с постепенной концентрацией власти Морони и ростом недовольства оппозиции прямо вела страну к распаду.

В марте 1996 г. следующим, третьим, президентом (1996–1998) ФИРКО стал один из лидеров оппозиции Мохамед Таки Абдулкарим, которого поддерживала Франция. При Таки на Коморах произошла очередная административная, политическая и бюджетная централизация. Была принята новая, четвертая по счету, конституция [*Loi constitutionnelle*, 1996], зафиксировавшая усиление власти федерального президента и ограничение автономии островных правительств. Согласно статье 60, губернаторы островов вновь назначались указом главы государства, а не избирались населением. Сенат был упразднен, а законодательная власть вновь сосредоточена в однопалатном парламенте.

Вслед за затянувшимся кризисом, связанным с попыткой сессии Анжуана и Мохели и фактически означавшим распад государства, 30 апреля 1999 г. на Гранд-Коморе произошел очередной переворот. К власти пришли военные во главе с начальником генштаба Азали Ассумани, уроженцем о. Гранд-Комор. Правительство, парламента и другие властные структуры были распущены. В соответствии с временной конституцией [*Charte constitutionnelle*, 1999], пятой по счету на Коморах, полковник Ассумани становился одновременно главой государства, премьер-министром и главнокомандующим, в его руках сосредоточивалась и вся законодательная власть [Иванова, с. 28–29]. Губернаторы островов назначались главой государства.

Шестая конституция [*Constitution*, 2001], принятая по итогам референдума 2001 г., стала результатом длительных и сложных внутрикоморских переговоров по проблеме национального примирения и о “новом коморском единстве”. В 2002 г. ФИРКО была преобразована в СКО – Союз Коморских Островов. Весной 2002 г. по итогам избирательной кампании союзным президентом стал сторонник централизации А. Ассумани. В 2006 г. ему на смену был избран Ахмед Абдалла Самби с о. Анжуан. На каждом из островов избирался собственный президент и принималась собственная конституция.

Текст новой, ныне действующей союзной конституции содержал элементы федеративного строя и принципы децентрализации. Однако и этот вариант Основного закона подвергался изменениям (поправки 2009 и 2014 гг.), в том числе в сфере полномочий союзного президента, структуры союзного парламента, статуса островов и осуществления исполнительной и законодательной власти в субъектах федерации. Ревизия формы и содержательного наполнения государственных институтов началась после второго

анжуанского кризиса (2007–2008 гг.), а именно в результате новой попытки сепессии Анжуана, которая была пресечена силовым путем.

Так, в нынешней структуре парламента, который по-прежнему остается однопалатным, представительство островов урезано. В соответствии с поправками в тексте конституции президенты автономных островов стали именоваться губернаторами, островные ассамблеи — советами, их депутаты — советниками, островные “конституции” (*loi fondamentale*) заменены “уставами” (*loi statutaire*). Осуществлять исполнительную власть на островах губернаторам помогают назначаемые ими комиссары [*Constitution*, 2001/2009; *Constitution de l'Union*, 2009].

Поскольку для подавления анжуанского сепаратизма силовым сценарий оказывался единственно возможным, становился логичным следующий шаг коморских центральных властей — обращение к конфедеративной модели, которая предполагала минимальную степень “единства” трех островов; данный вариант становился привлекательным и для Майотты, открывая ей дорогу к возвращению в Союз [Hassan, 2009, p. 237–238].

Впрочем, вполне объяснимым представляется тот факт, что коморцы после и в результате анжуанского кризиса пошли по пути “реновации” или, фактически, централизации политической системы. Страна уже проходила федерализм, а к конфедерации, поскольку она означала неприемлемую в африканских условиях максимальную степень разъединения, т.е., по сути, распад государства³, ожидаемо оказалась не готова. Принцип ротации союзных президентов остался неизменным, что также оставляло для Майотты возможность вступления в состав СКО. Однако фактически политическая система Комор вернулась в свое прежнее централизованное состояние.

В 1990–2000-е гг. Коморское государство, как и другие страны Африки, переживало “демократизацию” и административную, политическую, фискальную децентрализацию, что было настоятельно рекомендовано развивающимся странам со слабой экономикой международными финансовыми институтами. Однако децентрализация — а этот процесс органически присущ всякой подлинно федеративной системе — оказалась слишком дорогостоящей для Комор, о чем прямо заявлял президент Самби, инициировавший обратную централизацию. Таким образом, опыт Комор подтверждает гипотезу о том, что в слабых странах децентрализация в большинстве случаев оказывается неэффективной и лишь обостряет существующие дисбалансы, в том числе проблему культурных меньшинств [Treisman, 2007, p. 241]. Это, в свою очередь, вынуждает многие африканские правительства отказываться от децентрализации и возвращаться к централизованному управлению.

Очевидно, проблему регионализма и порождаемого им сепаратизма на Коморах следует связывать не столько с происхождением действующего федерального президента, с наличием или отсутствием автономии у субъектов федерации, со степенью завышения или ослабления “централизаторских гаек”, сколько с уровнем социально-экономического развития отдельных островов и страны в целом, с соблюдением принципов бюджетного выравнивания, а также со способностью или неспособностью федерального центра мобилизовать внутренние ресурсы и внешнюю поддержку для предотвращения и пресечения попыток сепессии.

Формулировки в действующей редакции Основного закона СКО по-прежнему лишь ограниченно информативны для понимания механизмов функционирования коморской “государственной машины”, и неясно, как на практике проходили децентрализация и централизация. Конституционная реформа Самби была нацелена на улучшение, гармонизацию политико-административной структуры и избирательного процесса, экономию бюджетных средств. По крайней мере, де-юре система стала более управляемой.

³Трудно не согласиться с мнением, что важной чертой африканской модели конфедерации является ее недолговременный и переходный характер и что конфедерация не имеет будущего в Африке из-за распространения на континенте сепаратистских настроений [Денисова, 2015, с. 44, 74].

Впрочем, при принятии решений и при проведении комплекса мероприятий по централизации руководство СКО рисковало столкнуться с новыми проявлениями сепаратизма. Рационализация в сфере внутренней политики при Самби подкреплялась взвешенной внешней политикой в попытке укрепить государственность, обуздать сепаратизм и урегулировать застарелый конфликт вокруг Майотты.

Основанная Самби исламистская партия Национальный фронт за справедливость (Front National pour la Justice, FNJ) в период анжуанского сепаратистского кризиса 1997 г. выступала за превращение Комор в “подлинно федеративное государство”, а на этапе разработки конституции 2001 г. — за сохранение слова “исламский” в названии страны. Позже, в бытность кандидатом в президенты СКО в 2006 г., сам Самби считал, что Коморы пока не готовы стать “исламским государством”. При этом, согласно действующей конституции, ислам является государственной религией. Религиозный фактор — на острове проживают французы и доля христиан несколько больше, чем на остальных Коморах — включают в перечень причин отказа Майотты остаться в составе Коморского государства. Однако при всей важности религиозного и других социокультурных факторов в истории Комор вовсе не они стали определяющими в майоттском вопросе.

* * *

Дарованная французами Коморам в конце 1950-х гг. территориальная автономия не смогла предотвратить отделение Майотты в период борьбы за независимость от остальной части архипелага. Могло показаться, что больший объем автономии и/или более адекватное воплощение ее в жизнь и/или более раннее введение федерализма в то время способствовало бы сохранению Майотты в составе формировавшегося Коморского государства. Однако продемонстрированная островитянами стабильная поддержка идеи сохранения “привязки” к Франции и усиленное присутствие метрополии на острове дают основания предполагать, что какая бы степень самостоятельности ни была предложена острову, это не помогло бы коморцам удержать Майотту [Poupko, 2017, p. 336].

Ни последовавшие эксперименты с федерализмом, ни признание невозможности построить “исламское государство” на Коморах, ни предпринимавшиеся руководством ФИРКО/СКО действия на международной арене с целью разрешения в свою пользу территориального спора с Францией не привели Майотту в состав Союза. С точки зрения Морони, вопрос с Майоттой до сих пор остается нерешенным: остров оккупирован Францией. С точки зрения Парижа, Майотта принадлежит Франции, поскольку население острова воспользовалось правом на самоопределение — и это свершившийся факт (*fait accompli*).

Шансы Морони вернуть Майотту невелики. Лишнее тому подтверждение — протесты майоттцев по поводу планируемого ослабления визовых ограничений, которое может повлечь за собой увеличение притока мигрантов из СКО. Материальные преимущества для Майотты, вытекающие из принадлежности к Франции, многократно превышают выгоды от вступления в Коморское государство, какой бы ни была его политическая система — с сильным центром либо с сильными регионами. Объединению коморцев препятствуют несопоставимый уровень социально-экономического развития французской Майотты и суверенных Комор, разнонаправленные интересы их правящих кругов и неблагоприятная международная политическая конъюнктура.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Денисова Т.С. Сенегамбия: уроки африканского конфедерализма // *Федерализм в Африке: проблемы и перспективы. Federalism in Africa: Problems and Perspectives*. М.: Институт Африки РАН, 2015. С. 43–75 [Denisova T.S. Senegambia: uroki afrikanskogo confederalizma // *Federalizm v Afrike: problemi i perspektivi*. Moscow: Institute for African Studies, RAS, 2015, pp. 43–75].

- Иванова О.Я. *Коморские Острова: Справочник*. М.: Восточная литература, 2003 [Ivanova O. Ya. *Komorskie Ostrova: Spravochnik*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003].
- Anckar D. Lilliput Federalism: Profiles and Varieties // *Regional and Federal Studies*. 2003. Vol. 13. No.3.
- Charte constitutionnelle du 6 mai 1999* – <http://mjp.univ-perp.fr/constit/km1999.htm> (дата обращения 12.11.2017).
- Constitution de l'Union des Comores* (Mise à jour au 23 mai 2009).
- Constitution du 1er octobre 1978* – <http://mjp.univ-perp.fr/constit/km1978.htm> (дата обращения 12.11.2017).
- Constitution du 23 décembre 2001* – <http://mjp.univ-perp.fr/constit/km2001.htm> (дата обращения 12.11.2017).
- Constitution du 23 décembre 2001* (version modifiée, 23 mai 2009) – <http://mjp.univ-perp.fr/constit/km2009.htm> (дата обращения 12.11.2017).
- Hassan H.A. The Comoros and the Crisis of Building a National State // *Contemporary Arab Affairs*. April–June 2009. Vol. 2. No. 2.
- Loi fondamentale du 23 avril 1977* – <http://mjp.univ-perp.fr/constit/km1977.htm> (дата обращения 12.11.2017).
- Loi constitutionnelle du 20 octobre 1996* – <http://mjp.univ-perp.fr/constit/km1996.htm> (дата обращения 12.11.2017).
- Macron Sparks Row with Migrants' Boat Joke* – <http://en.rfi.fr/africa/20170604-macron-sparks-row-migrants-boat-joke> (дата обращения 12.11.2017).
- Massey S. Ties that Bind and Ties that Don't: France's Role in the Comoros Archipelago // *Contesting Historical Divides in Francophone Africa*. Ed. by C.H. Griffiths. Chester: Chester University Press, 2013.
- Massey S., Baker B. *Comoros: External Involvement in a Small Island State* / Chatham House: Programme Paper AFP 2009/1.
- Mohaji F.B. Comoros (Union of the Comoros) // *Handbook of Federal Countries*. Montreal, 2005.
- Moroni pour une «nouvelle relation» avec Mayotte* // <http://fr.africatime.com/comores/articles/moroni-pour-une-nouvelle-relation-avec-mayotte> (дата обращения 12.11.2017).
- Poupko E. An Exploratory Study of Constitutional Design in Three Island States: Seychelles, Comoros, and Mauritius // *Journal of Contemporary African Studies*. 2017. Vol. 35. No. 3.
- Sellström T. *Africa in the Indian Ocean: Islands in Ebb and Flow*. Leiden: Brill, 2015.
- Treisman D. *The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization*. N.Y.: Cambridge University Press, 2007.